Следующие двое суток превращаются для Кагами в кошмар. Он почти не спит, не помнит что и когда ел. Он неотлучно сидит при наставнице, первый реагируя на ухудшение ее состояния. Процесс перестройки организма идет очень мучительно. Сумико-сама ломает, она много раз пыталась добраться до глаз и выцарапать их. Приступ может произойти в любой момент, парню не хватает сил бороться с этим в одиночку, но поблизости всегда Мадара-сама, а чуть позже прибыл и Изуна-сама. Мужчины не мешают ему, но за спиной всегда находится кто-то из них. Они не оставляют Сумико-сама ни на секунду. И он им даже благодарен, пусть в редкие мгновения просветления с ужасом вспоминает, как позволял себе приказывать. Только вот все это меркнет, едва он слышит отчаянные стоны и хрипы наставницы, видит, как ее выгибает от боли, как недостаток чакры выпивает ее досуха. Отвары от этого не спасут, он старательно делится своей чакрой, но ее слишком мало, чтобы переломить ситуацию, однако он не привык сдаваться.

Момент, когда с лица наставницы исчезла гримаса страдания, а дыхание стало глубоким, он смело считал если не самым счастливым в своей недолгой жизни, то где-то близко к этому.

— Иди отдыхать, теперь мы уже справимся, — Кагами недоуменно поднял голову, встречаясь со спокойным взглядом Изуны-сама. — Суми-чан расстроится, если увидит тебя в таком состоянии.

— Да, наверное, — первая попытка встать проваливается. Если бы его не поддержал Изуна-сама, он бы просто позорно упал. — Спасибо.

— Иди, — ему помогают удержать направление и разворачивают в сторону выхода. Повторять дважды не надо. Кагами и сам чувствует, что прошелся по грани и это очень неприятно. Особенно ощущение горечи во рту. Похоже, он переборщил со стимуляторами.

— Когда сэнсэй очнется, дайте ей выпить это, — на то, чтобы вытащить из подсумка фляжку, уходит море сил, но ему все же удается справиться с застежками и протянуть емкость Изуне-

сама.

— Сделаю, иди, — его выпроваживают уже куда настойчивее и он все же подчиняется, оставляя этих двоих в одиночестве. На Изуну-сама можно положиться, он никогда не навредит своей наложнице. Слишком привязан, Кагами убедился в этом за эту неделю, как и в чувствах Мадары-сама, но это уже не его дело.

Сон не идет. Изнуренный организм издевается над сознанием, терзая его болью в натруженной СЦЧ и работающим на износ желудком с печенью. Боль волнами проходит по телу, но ему просто необходим отдых, поэтому Кагами не сомневается, когда использует самогендзюцу. Слабое, но ему хватает, разум погружается в сон. Тяжелый, мутный, наполненный непонятными образами и тревожными ощущениями, он не приносит облегчения. Однако выбора нет, позволить себе отлеживаться больше, чем он уже спал, парень не мог. Инстинктивно он не доверял создавать лекарства для наставницы никому, кроме себя. Ну и еще девочкам. Только вот они оказались далеко и без наставницы он не мог с ними связаться. Снующие по деревни неко будто исчезли, опустела площадка для игр.

Не важно. У Кагами была цель, и он упорно к ней шел, не замечая насколько изменился его взгляд, что сказалось на отношении. В его голосе прорезались командные интонации. Он больше не прятался за наставницей, теперь он сам решал возникающие проблемы. Не только с созданием лекарств для Сумико-сама, он взял на себя ответственность и за госпиталь. Не удержавшись, потребовал ввести его в курс дела об убийстве его названных сестер.

Голос окреп, взгляд стал жестче. И пусть он выглядел изнуренно, но больше никто не мог смотреть на него свысока. Эта потеря стала для него ударом и он боролся как мог, оставшись с ней совсем один, чувствуя ответственность за ослабленную наставницу.

Кагами не видит задумчивый взгляд Мадары-сама, он его явно оценивает, будто увидел впервые, хотя это не так. Учеников Сумико-сама в Клане знает каждый, а братья невольно участвовали в их становлении, ведь именно их отряды стали теми, кто тестировал мелких ирьенинов на поле боя. Так что они знали о детях не мало, просто игнорировали это знание. До этого момента, они ничем не выделялись и не привлекали внимание. Зато сейчас — раскрылись. Кагами показал свою верность, а это стоило не мало. Ему осталось показать еще силу и тогда его роль в жизни Клана будет решена окончательно.

Наставница встает на ноги только через неделю. Очень долгую, наполненную тревогами и расследованиями. Встречей с той, кто убил его сестер и теперь смотрит на всех свысока, смеясь тюремщикам в лицо. И этого Кагами не понимал, чувствуя, как внутри рушится вера во что-то важное. Он просто не мог и не хотел понимать, как у беременной женщины поднялась рука на тех, кто ей помогал. Искренне сопереживал и старался во всем поддержать. Однако ответа на простейший вопрос «Почему именно они?» он так не получил. Она просто рассмеялась ему в лицо, а после он больше не получил возможности ее видеть, вытребовать ответ.

— Сумико-сэнсэй, вы очнулись, — заметив в коридоре наставницу, Кагами улыбнулся, бросившись к ней. Взгляд жадно скользил по заострившимся чертам лица, невольно задерживаясь на усталых, полных грусти глазах.

— Да, со мной все хорошо, — попытка улыбнуться выглядит откровенно жалко, вызывая порыв обнять и спрятать, но на деле выходит скорее прижаться в поисках тепла, утешения. Парень и сам понимает, насколько по детски это выглядит, но вместо упреков, ощущает ласковое прикосновение к волосам. — Кагами, когда ты последний раз ел? — вопрос вызывает смущение, Кагами просто не может ответить честно, но наставница его и без того хорошо знает, поэтому даже не пытается остановить, просто на лице появляется едва уловимая улыбка. В отличие от прошлой, она искренняя. — Понятно. Пошли на кухню, надо восстановить силы, они нам понадобятся.

— Хай, сэнсэй, — ответ получается каким-то тоскливым, подстать настроению.

— Расскажешь о расследовании? — чужая рука привычно лохматит волосы, а голос звучит мягко, почти так, как он привык и Кагами сдается, взахлеб рассказывая о том, что происходило. Делится своим непониманием и даже обидой, ощущая, как с каждым словом становится все легче. Будто Сумико-сама снимает с его плеч неподъемный груз.

— Я хочу ее увидеть, — Кагами даже не сразу понимает кто и что сказал. Неверяще оборвав свою речь на полуслове, растерянно вглядываясь в глаза наставницы. Однако в них только

уверенность с налетом грусти и ни капли сомнения. Она считает, что так будет правильно.

— Сэнсэй, я не думаю, что это хорошая идея, — тихо, боясь вызвать чужое недовольство, произносит парнишка.

— Кагами, — мальчишка вздрагивает, услышав холод в чужом голосе, но упрямо смотрит в глаза Сумико-сама. Он считает, что наставнице нельзя встречаться с той сумасшедшей, но понимает, что удержать ее от этого по силам только Изуне-сама или Мадаре-сама, его она просто-напросто не послушает.

Вошедшую на кухню Така-сама он встречает облегченным взглядом. Она на его стороне, только вот радость быстро исчезает, когда он понимает, что отговаривать она все же не будет. Последняя надежда, это Мадара-сама и Изуна-сама, но и они… Кагами кусает внутреннюю сторону щеки, ощущая солоноватый вкус крови. Его никто не послушал, все отмахнулись от его предчувствий. Сумико-сама все же встретится с той сумасшедшей и это воистину страшно. Наставница ведь еще не отошла от лихорадки вызванной пробуждением новой ступени шарингана. Ей нельзя использовать много чакры, да и додзюцу, но… его никто не слушает. Хотя он и пытается достучаться.

Бесполезно. Он будто в вакууме. Все его доводы отметаются. Он не сможет переубедить, только стоять в стороне и смотреть, надеясь на чужое благоразумие. Только вот Сумико-сама слишком привязана к ним, пробуждение Мангеке об этом говорит четко. Она не отступится.

Кагами волнуется, но увидеть наставницу ему удается только под конец дня, когда солнце уже окрасило землю алым. Тревожный закат, но еще более тревожны складываемые погребальные костры. Он даже знает для кого и почему их не три, а два. Сумико-сама отдала такой приказ лично, решив провести сожжение своих учениц вместе, как родственников. Впрочем, они ими и были, просто в Клане это понятие немного изменилось. Во внимание принималась не только общая кровь и близкородственность, но и обычные отношения между людьми. Именно поэтому, три тела возложили не на один погребальный костер, а два. Мичи-сама предстояло отправиться в последнее путешествие в одиночку.

На сожжение приходит много Учиха. Каждый подходит к уложенным дровам и кладет сухую и живую ветки. Символ конца и начала. На многих живых веточках цветы, белые и хрупкие. Они устилают место вокруг тел погибших сестер. Они будто плывут в белом облаке. Сразу видно, как к ним относились, ведь рядом с Мичи-сама почти нет цветов.

Учиха молчат, скорбная тишина, лучше слов показывает насколько дороги провожаемые в последний путь куноичи. В их глазах нет слез.

— Пора, — голос Сумико-сама похож на шелест, взгляды моментально приковываются к ним. Их всего двое, остальные не могли бросить отряды и прибыть для прощания. Жаль, но такова жизнь. Кагами даже отчасти завидовал им, ведь в их памяти девочки останутся живыми и улыбчивыми. Они не будут с содроганием вспоминать смятую гортань у Котоне, уродливый алый разрез на спине Хикару. Это и к лучшему. Пусть в их памяти они всегда улыбаются.

Размышления не мешают Кагами двигаться вперед, занимая нужную позицию у будущего костра. Согласно традициям, они подожгут хворост с двух сторон, как самые близкие люди для Хикару и Котоне.

Пламя выходит жарким, оно само рвется из груди. Сухие ветки моментально вспыхивают, огонь распространяется быстро, яростно гудя, пожирая белоснежные цветы и скрывая за собой одетых в белое девочек. Ни он, ни Сумико-сама не пожалели чакры. Стараясь, чтобы все прошло быстро.

Запах костра смешивается с паленым, после приходит аромат жаренного мяса, от которого мутит. Будто в ответ на мысли, огонь резко взмывает ввысь, усиливаясь, заставляя отшатнуться. И тут же опадает, открывая взгляду горячий пепел и ни одного уголька. Стоящая напротив Кагами наставница покачнулась, но сразу же выпрямилась, поворачиваясь ко второму костру. Она даже не пытается к нему шагнуть, у Мичи-сама была семья, а свою ученицу она никогда не любила. Отдать ей огонь, значит не уважать память. Именно поэтому Сумико-сама стоит на месте, отдавая дань памяти, но даже не пытаясь подобраться поближе.

Второе кострище сгорает быстрее, что не удивительно, тут в сжигании участвуют сразу пятеро. Однако их огонь не сумел спалить все подчистую, оставляя лишь пепел. Их урна с прахом, оказалась куда больше, но так ли это важно? Нет. Главное, что последние почести были отданы, остальное уже не важно.

***

Кагами не удивляется, когда ему сообщают, что возвращаться в пустыню ему приходется одному. Он и раньше знал ценность Сумико-сама для определенных людей, но… ему было тревожно. Он слишком хорошо видел, как повлияла смерть учениц на нее, а после общение с их убийцей. Ему не сложно было заметить сжатые до хруста кулаки после каждой встречи, прикрытые будто от усталости глаза. Он тоже скорбел, но… он был мужчиной, теперь пришла его пора защищать.

— Мадара-сама, Изуна-сама, — Кагами понимал, что сильно рискует, придя на тренировку братьев. Осознает, что его легко могут прихлопнуть, но уповает на везение и банальное любопытство.

— Кагами, — два взгляда скрестились на наглеце, которому приходилось прикладывать не мало сил, чтобы выдержать свалившееся на плечи давление. Слаженное хмыканье показало, что они оценили его старания и тут же усилили нажим, заставляя упасть на одно колено, упорно продолжая пытаться подняться. Отчего-то ему казалось, что стоит сдаться и его прогонят, не став слушать, а этого он себе позволить не мог. Он и так слишком долго наскребал в глубине души решимость, чтобы явиться сюда.

— Говори, — парнишка не знал сколько продолжалось противостояние, но сказанную кем-то из братьев фразу и уменьшившееся давление, встретил с облегчением, которое все же попытался замаскировать. Вряд ли удачно, но по-другому не мог.

— Меня беспокоит сэнсэй, — от колючих взглядов он поежился, но нашел в себе силы продолжать. — Поэтому я прошу вас дать мне разрешение на обучение в мире призыва.

— Зачем? — Кагами моргнул, когда возле него материализовался Глава Клана. Проницательные глаза смотрели в душу. Вытаскивая из глубины все страхи, потаенные желания. Изучая и будто препарируя.

— Я хочу защитить, — упрямо не отводя взгляд, отзывается мальчишка. Слишком хорошо понимал, что у него только один шанс. Отступит и больше никто с ним разговаривать не будет. В самом худшем случае, ему просто откажут в возможности видеться с Сумико-сама и даже с сестрами.

Слабаку и трусу не место рядом с главным сокровищем Клана. Рядом с такими куноичи может быть только лучший или ребенок. Своим поведением он сам демонстрирует то, что стал взрослым. Отступить он не может. У него есть только гордость Учиха и наставница с названными сестрами. Лишиться хоть чего-то одного, и он перестанет быть тем Кагами, которого все знают. Он уже сейчас стал меняться, взрослея и стараясь отогнать тени прошлого. Жить воспоминаниями не его путь.

— Тебе рано идти в мир призыва, — ответ оглушает, заставляет покачнуться. Слишком много Кагами поставил на этот разговор, он был уверен, что ему разрешат, но… нет. Ответ ясен. Лишь огромным усилием воли он заставляет себя поклониться. Сил поблагодарить за ответ нет. — Но и оставаться на том же уровне ты не можешь, — абсолютно спокойно продолжил Глава Клана. — Ты слаб, даже будь ты здесь, ничего бы не поменялось, просто на один труп стало больше, ты же это понимаешь?

— Да, — ответ звучит глухо, в глубине души подымается надежда, которую он боится поверить.

— Я возьму тебя в свой отряд, мне как раз нужен человек, который бы заменил Суми-чан, — чужой голос безмятежен. — Ты неравноценная замена, но уж что есть.

— Я не подведу, — вот теперь поклон куда ниже, а ответ искреннее. Впрочем, уже через мгновение он кубарем катится по земле. Моментально вскакивая и с недоумением смотря на Мадару-сама, что отправил его в полет. Во взгляде какая-то детская обида, неверие.

— У нас нет времени, уже завтра нам надо выходить на границу с Сенджу, — хищная улыбка расцветает на губах Главы Клана. — Я должен знать на что способен каждый член отряда.

— Есть, — намек более чем прозрачный. Его просто хотят проверить, а может и правда узнать его уровень сил. Хотя Кагами и считает это странным. Сумико-сама часто брала его на тренировки, задействуя в них многих. В том числе и членов личных отрядов. Не всех, но большинство. Так что его примерный уровень тут знали, но… это рядовые члены отрядов, а не Глава. Его ему заинтересовать было нечем.

Тренировочный бой между Главой Клана и Кагами напоминает прыжки белки вокруг слона. Мальчишка слишком щуплый, слишком низкий, слишком медленный. Этих «слишком» много. Разница между навыками видна невооруженным взглядом, но… на губах Мадары-сама довольная улыбка. Пару раз в его глазах мелькает шаринган, позволяя выбраться из чужих иллюзорных ловушек. Кагами действительно оказался талантлив, накладывая многие иллюзии так, чтобы человек запутывался в них сам. Особенно Главе Клана понравилось гендзюцу, закрепившееся на его собственном веке. Для ее снятия было недостаточно кратковременно остановить ток чакры, стоило моргнуть и она накладывалась вновь, подпитываясь от чакры жертвы. Сразу становилась заметна рука того, кто привык экономить чакру. Кагами действительно многое взял от своего учителя.

Продолжение следует…

http://tl.rulate.ru/book/54344/1382361